

АЛЬБОМ ЮРИЯ РОСТА

Проезжал я тут на коне по имени Ксерокс по Пушкинской площади, и останавливает меня инспектор ГАИ Гена:

– Отчего это вы разъезжаете на лошади среди бела дня?

– Я к Белле Ахмадулиной. На чем, вашему, приличествует ехать к этой великой женищине?

– К Ахмадулиной? Будьте любезны.

И я поскакал...

Через Тверскую, по бульварам. Александр Сергеевич смотрел на мою посадку иронически. Но и (учитывая цель) снисходительно.

...она была прекрасна...

Добра и доброжелательна, как всегда. Тонка в оценках и иронична к себе. Тепла в своих рассуждениях о друзьях и печальна слегка. Она читала стихи (написанные невероятно русским языком) о любви. Все о любви. К Пушкину, Галактиону, к простому (как принято говорить не ею) человеку, не всегда трезвому, но достойному, о жизни, мире и земле, на которой мы стоим.

В очереди за жизнью, как и за хлебом, она никого не расталкивала и не улыбалась продавцам. Наоборот.

– Пожалуйста – будьте прежде меня.

Я подумал, вот нравственный идеал поэта, уберегшегося от современных соблазнов.

– У меня их не было, – отвечала она, приземляя мое восхищение. Но я был очарован и поэтому объективен.

Разумеется, идеал, подчиненный единственному диктату («диктату небесному»). Не ты ли говорила, что поэт – это человек, слышащий «звук указывающий»?

– Да. И лишь записывающий его.

– Ты слышишь этот звук.

– Это награда за уединение и покой.